С.Л. Николаев

I

Заметки о древнерусском стихосложении

После расстановки внутренне непротиворечивого ударения в «Слове о полку Игореве» в памятнике были обнаружены стихотворные размеры[1], которые можно считать разновидностью силлаботонических, поскольку они представлены регулярным чередованием ударных и безударных слогов в отдельно взятой строке. Этот размеры можно объединить под названием «свободная силлаботоника»[2]. Количество слогов в строках варьирует (с учетом звучащих редуцированных) от 5 до 14, количество фонологических ударений – от 2 до 5. В большей части части текста отмечены «двухстопник» (свободно чередующиеся хорей и ямб) и «трехстопник» (свободно чередующиеся дактиль и амфибрахий, редко анапест) со спондеями, пиррихиями и цезурами. Объединение разновидностей двухстопника или двухстопника в «Слове» связано с тем, что безударные слоги в начале строки не учитываются, благодаря чему ямб приравнивается к хорею и т. д. Значительные по объему фрагменты имеют единый размер (двухстопный или трехстопный), нередко небольшие отрывки текста с разными размерами чередуются. Образец стиха из «Слова» приводится ниже в §3 (там же излагается система рифмовки).

Разумеется, можно спорить, являются ли подобные тексты стихами или ритмически организованной прозой, но в данном случае это чисто терминологическая дилемма, поскольку древнерусские тексты с другой ритмикой нам не известны.

Ниже в §1 и 2 приводится два древнерусских текста, в которых можно предполагать стихотворные размеры, сходные с размерами в «Слове о полку Игореве». В этих отрывках, датируемых рубежом XI—XII вв., слабые *ъ, ь*, вероятно, могли произноситься во всех позициях, что представляется естественным для поэтического языка того времени, хотя в некоторых случаях ритмика позволяет предполагать их окказиональное выпадение в предударных и неконечных заударных, реже в конечных отрытых слогах[3]. Под предположительно выпавшими *ъ, ь* в приводимых ниже ритмических фрагментах ставится дужка (*ъ̯, ь̯*). Неслоговое *и* (< *jь̯) обозначается буквой *й*.

---

[1] См. акцентуированное издание текста в моей статье «Лексическая стратификация “Слова о полку Игореве”» (журнал Slověne, №2, 2014). Акцентуацинная система «Слова» рядом архаических черт (в частности, «полуометностью») сходна с современными западнокраинскии системами, в XI-XIII вв. она могла быть представлена и в южнопсковско-ловатских говорах, морфологическая система которых нашла свое отражение в «Слове».

[2] Расхожее мнение, согласно которому русская силлаботоника восходит к западному (в первую очередь немецкому) стихосложению, неверно. Она характерна для русского и в целом восточнославянского фольклора, где не является литературным заимствованием. Самостоятельное развитие силлаботоничего стихосложения в языках со свободным парадигматическим ударением, зависимостью фонетической реализации гласных фонем от их положения относительно акцента и многосложными словоформами представляется естественным.

[3] «Слово о полку Игореве» было создано не ранее 1185 года, в разгар падения слабых редуцированных. О позиция прояснения слабых редицированных см. ниже в §3.

1. Рассказ о золотом плаще Якуна (предположительно 1-я треть XI в.)

Стихотворным, по-видимому, является фрагмент в ПВЛ – «Рассказ о Якуне и его золотом плаще» (предположительно 1-я треть XI в.)[4]. Текст реконструирован из сравнения Ипатьевской и Лаврентьевской летописей (под 1024 г.), причем кажется, что Ипатьевский текст сохраннее. Реконструкции не поставлены в скобки, т. к. замен очень много, при этом часто приходится делать выбор в пользу той или иной формы или порядка слов (выбирались более архаичные формы)[5].

Отрывок имеет изящную композицию, а именно «рамку» – начинается с *«..И възвративъ ся Ярославъ, поиде къ Нову городу, и посьла Ярославъ за море по варягы, и прииде Якунъ съ варягы, и бѣ Якунъ сь лѣпъ, луда бѣ у него золотъмь истъкан.»,* а заканчивается на *«и побѣже съ Якунъмъ, кънязьмь варяжьскымь, и Якунъ ту отбѣже луды золотыѣ, а Ярославъ прииде къ Нову городу, а Якунъ иде за море».*

Окружающий текст – неритмическая проза (ниже он приведен курсивом).

.... Яросла́ву су́щу Но́вѣ го́родѣ тогда́. Вь се же лѣто въсста́ша вълсви́ въ Су́ждальцихъ, избива́ху ста́рую ча́дь по дьяволю наученью́ и бѣсова́нью глаголю́че я́ко си дьржа́ть гоби́но и мяте́жь вели́къ и го́лодъ по вьсе́и странѣ тои. Идо́ша по Вълзѣ вьси́ людье́ въ българы, и привѣ́ся жи́то, и та́ко ожи́ша. Слы́шавъ же Яросла́въ вълхвы́ ты, при́иде къ Су́ждалю, изима́въ вълхвы́ расточи́, а другы́ѣ пока́зни, ре́къ си́це: «Бо́гъ наво́дить по грѣхо́мъ на куюшьдо зе́млю гла́дъмь или мо́ръмъ или ве́дръмь ли и́ною ка́знью, а человѣ́къ не вѣ́сть ничьто́же».

И възврати́въ ся Яросла́въ,
по́йде къ Но́ву го́роду,
и по́сьла Яросла́въ
за́ море по ва́рягы.

И при́иде Я́кунъ съ ва́рягы
и бѣ Я́кунъ сь лѣ́пъ,
лу́да бѣ у него́
зо́лотъмь истъка́на.
И при́иде къ Яросла́ву,
и Яросла́въ съ Я́кунъмь
по́иде на Мьстисла́ва.
Мьстисла́въ же слы́шавъ, възи́де
проти́ву има́ къ Ли́ствьну.

Мьстисла́въ же сь вечера
испълчи́въ дружи́ну
поста́ви сѣ́веръ въ чело́
проти́ву ва́рягомъ,

---

[4] См. *А.А. Гиппиус*. Бегство от плаща (заметки о «золотой луде» Якуна «Слепого») // Terra Balcanica / Terra Slavica. К юбилею Т.В. Цивьян. Балканские чтения 9. М., 2007. С. 52-58.

[5] А.Ю. Чернов (устное сообщение) полагает, что стихотворение принадлежит Бояну, т. к. в СПИ специально упоминается, что он пел Ярославу [Владимировичу Мудрому] и Мстиславу [Владимировичу] Храброму – героям этого фрагмента.

а са́мъ ста́ съ дружи́ною
своéю по крило́ма.

Ре́че Мьстисла́въ
дружи́нѣ своéи:
по́йдѣме на́ нѣ.
И по́йде Мьстисла́въ
и Яросла́въ проти́ву,
и съступи́ ся чело́
ва́рязи съ сѣ́веръмь,
и труди́ша ся ва́рязи
сѣ́куче сѣ́веръ.

И бы́въши но́чи
бы́сть тьма́,
мъ́лни и гро́мъ и дъ́ждь.

И по́ семь наступи́
Мьстисла́въ съ дружи́ною
и на́ча сѣ́чи ва́рягы,
и бы́сть сѣ́ча си́льна.

Яко посвѣтя́ше мъ́лни,
блѣща́шеть ся оружьé.
И бѣ́ гроза́ вели́ка,
и сѣ́ча си́льна и страшьна́[6].

Ви́дѣвъ же Яросла́въ,
яко побѣ́жаемъ éсть,
и побѣ́же съ Я́кунъмь
кънязьмь ва́ряжьскымь.

И Я́кунъ ту отбѣ́же лу́ды золоты́ѣ,
а Яросла́въ при́йде къ Но́ву го́роду,
а Я́кунъ йде за́ море.

Мьстисла́въ же о́ свѣтъ зау́тра и ви́дѣ лежачи́ исѣ́чены от свои́хъ сѣверъ и ва́рягы Яросла́влѣ, и ре́че: «Кто́ сему́ не ра́дъ? Се́ лежи́ть сѣверянинъ, а́ се ва́рягъ, а своя́ дружи́на цѣла́».

В этом стихотворении, также как в «Поучении» Владимира Мономаха (см. ниже), отмечены внутренние рифмы, иногда основанные на фонетическом тождестве родственных или омонимичных основ:

---

[6] А.Ю. Чернов (устное сообщение) считает, что в тексте летописи переставлены строчки, и первоначально пейзажное описание было единым: *И бы́въши но́чи бы́сть тьма́, // мъ́лни и гро́мъ и дъ́ждь, // и бы́сть сѣ́ча си́льна. // Яко посвѣтя́ше мъ́лни, блѣща́шеть ся оружьé. // И бѣ́ гроза́ вели́ка, // и сѣ́ча си́льна и страшьна́*. Вероятно, в пользу «летописного» порядка строк говорит внутренняя рифма в *и на́ча СѢ́Чи ва́рягы // и бы́сть СѢ́Ча си́льна.*

испълЧИ́въ ДРУЖИ́Ну
поСТА́ви сѣ́веръ въ чеЛО́
проТИ́ву ва́рягомъ,
а са́мъ СТА́ съ ДРУЖИ́Ною
свое́ю по криЛО́ма
.....
и на́ча СѢ́Чи ва́рягы,
и бы́сть СѢ́Ча си́льна
.....
и труди́ша ся ва́рязи
СѢ́куче СѢ́веръ
.....
Ви́дѣвъ же Яросла́въ,
яко ПОБѢ́Жаемъ е́сть,
и ПОБѢ́Же съ Я́кунъмь
кънѧ́зьмь ва́ряжьскымь

Источники реконструкции.

Лаврентьевская летопись:

... и възвративъсѧ Ярославъ приде Новуногороду и посла за море по Варѧгы . и прїде Якунъ с Варѧгы и бѣ Якунъ с лѣпъ луда бѣ оу него золотомь истъкана . и приде къ Ярославу иде Ярославъ съ Якуномь на Мьстислава Мьстиславъ же слышавъ взиде противу има к Листвену Мьстиславъ же с вечера исполчивъ дружину и постави Сѣверъ в чело противу Варѧгомъ а сам(ъ) ста с дружиною своею по крилома и бывши нощи быс(ть) тма молонья и громъ и дождь . реч(е) Мьстиславъ дружинѣ своеи поидемъ на не и поиде Мьстиславъ и Ярославъ противу собѣ и сступисѧ чело Сѣверъ съ Варѧгы <.....> и быс(ть) сѣча силна яко посвѣтѧше молонья блещашеть сѧ ѡружье и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна видѣв же Ярославъ яко побѣжаемъ есть побѣже съ Якуномъ кнѧземь Варѧжьскым(ь) и Якунъ ту ѿбѣже луды златоѣ Ярославъ же приде Новугороду а Якунъ иде за море.

Ипатьевская летопись:

.... и възвративъ сѧ Ярославъ и поиде к Новугороду и посла Ярославъ за море по Варѧги и приде Акунъ с Варѧгы и бѣ Акунъ с лѣпъ и луда оу него златомъ истькана и приде ко Ярославу и Ярославъ сь Акуномъ поиде на Мьстислава Мьстислав же слышавъ изииде противу има кь Листьвну Мьстислав же с вечера исполчи дружину и постави Сѣверъ вь чело противу Варѧгомъ а самъ ста с дружиною своею по крилома и бывъши нощи быс(ть) тма и громове и молънья и дождь и реч(е) Мьстиславъ дружинѣ своеи поидемь на нѣ и поиде Мьстиславъ и Ярославъ противу и съступи сѧ чело Варѧзѣ сь Сѣверомъ и трудиша сѧ Варѧзи сѣкуще Сѣверъ и по семь наступи Мьстиславъ с дружиною своею и нача сѣчи Варѧгы и быс(ть) сѣча силна яко посвѣтѧше мълнъя и блисташа сѧ ѡружья и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна видѣв же Ярославъ яко побѣжаемь есть и побѣже сь Якоуномъ кнѧземь Варѧжькимь и Акунъ ту ѿбѣже луды златое а Ярослав же приде к Новугороду а Якунъ иде за море.

2. Фрагмент в «Поучении» Владимира Мономаха (рубеж XI–XII вв.)

В «Слове о полку Игореве» отмечен почти уникальный для древнерусских текстов факт – преимущественное отсутствие вводных союзов в начале предложений. Для некоторых исследователей «бессоюзие» было аргументом в пользу позднейшего происхождения «Слова». А.А. Зализняк («Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М.,

2008: 199) в разделе, посвященном «бессоюзию» в «Слове», пишет: «Нет ли все же в древнерусских сочинениях хотя бы каких-нибудь фрагментов, сходных со «Словом» по коэффициенту бессоюзия? Мне удалось найти лишь следующий маленький фрагмент, – впрочем, весьма знаменитый, – который почти удовлетворяет этому условию». Далее цитируется отрывок, которому посвящена наша заметка, – фрагмент из автобиографической части «Поучения» Владимира Мономаха (1053—19 мая 1125) в составе Лаврентьевской летописи (под 1096 г.). «Коэффициент бессоюзия» у Мономаха (начало XII в.) 50%, в более позднем «Слове» (XIII в.) он заметно выше – 66,4%. В древнерусской прозе XII–XIII вв. коэффициент бессоюзия всего 12–14%. Судя по «бессоюзию» в «Слове» и в вероятно стихотворном отрывке в «Поучении» Мономаха, эта синтаксическая черта была традиционным признаком древнерусского поэтического языка.

Речь идет о фрагменте из «Поучения» Владимира Мономаха, посвященном его охотничьим подвигам. Это небольшой ритмический фрагмент написан таким же «свободным силлабо-тоническим стихом», как и «Слово». Этот фрагмент относится к началу XII в. Ударение у Мономаха, вероятно, древнекиевское, т. е. архаичное северо-восточное украинское, оно вполне укладывается в древнерусскую систему в ее западном варианте (Зализняк 2014). В тексте в квадратных скобках приводится реконструкция отдельных букв и частей слов.

А се́ в[ъ] Ч[ь]рни́говѣ дѣ́ялъ е́смь:
ко́нь дик[ы́]х[ъ] свои́ма рука́м[а]
с[ъ͡]вяза́лъ е́см[ь] въ пу́[щ]ах[ъ]
[де́сять] и [дъ͡ва́десять]
живы́х[ъ] ко́нь.
А кро́мѣ того́ же
иже по́ рови ѣ́здя
и́малъ е́см[ь] свои́ма рука́ма
тѣ же ко́н[ѣ] дик[ы́]ѣ.

Тура мя́ [дъ͡ва] мета́ла
на розѣ́х[ъ] й с[ъ͡] кон[ь́]м[ь].
Оле́нь мя оди́нъ бо́лъ,
а [дъ͡ва́] лоси,
оди́нъ͡ нога́м[а] топ[ъ]та́лъ,
а дру́гыи рого́ма бо́лъ.

Ве́прь ми на бедрѣ́
м[ь́]чь о́[т]тялъ.
Медвѣ́дь͡ ми у колѣ́на
подъ͡кла́да укуси́лъ.
Лю́тыи звѣ́рь скочи́лъ
к[ъ́] м[ь͡]нѣ на бе́др[а]
и ко́нь с[ъ] м[ь͡]но́ю пов[ь́]рже,
и Б[о́г]ъ͡ нев[е]ре́жена мя́ съблюде́.

И с[ъ] коня́ м[ъ͡]но́го па́дах[ъ],
го́лову си розби́х[ъ] два́[шь]ды,
и ру́цѣ и но́зѣ свои́ вереди́х[ъ].

Въ уности́ своéи вереди́х[ъ],
не блюда́ живота́ своего́,
ни щадя́ головы́ свое[ѣ́].

Помимо свободной силлабо-тоники (то есть стихотворного текста, состоящего мозаики из ямбических, хореических и трехдольных строк), у Мономаха, как и в «Слове о полку Игореве», богато представлены аллитерации, ассонансы и рифмоиды, напоминающие скандинавские скальдические *хендинги* (внутренние рифмы). В отличие от хендингов, которые обычно имеют структуру «гласный+согласный», для древнерусской поэзии более характерны рифмующиеся сочетания «согласный+гласный» (аналог скальдической аллитерации, однако в ассонансе участвует и гласный). В следующем эмоциональном рассказе хендинги показаны большими буквами. Сходно произносившиеся др.-русские *е, ь, ѣ* заменены здесь на *Е*, а др.-русские *о, ъ* – на *О*.

ВЕ́пРЕ МИ на БЕдРЕ́
МЕ́че о́ттяЛО,
МЕдВЕ́дь МИ у КОЛЕ́на
ПОдкла́да укуСИ́ЛО,
ЛЮ́тыи зВЕ́РЕ сКОЧИ́ЛО
КО́ мНЕ на БЕ́дра
и КО́НЕ со мно́ю ПОВЕ́РЖЕ
и БО́г неВЕРЕ́ЖЕна мя собЛЮде́.

Обязательная аллитерация в известных нам древнерусских стихах отсутствует. Они отдаленно напоминают редкие скальдические размеры *тоглаг* (*toglag, tøglag*) и *хадарлаг* (*haðarlag, haddarlag*), для которых характерны «вольности» в отношении числа слогов и ударений в строке, аллитерации, хендингов и рифм. Размер *тоглаг* был характерен для хвалебных песен (драп). Фрагмент из «Поучения» Мономаха с точки зрения скальдики является стандартной драпой.

Оригинал:

А се в Черниговѣ дѣялъ ѥсмъ: конь диких(ъ) своима рукама свѧзалъ ѥсмь въ пушах(ъ) •ı• и •к• живых(ъ) конь, а кромѣ того иже по рови ѣздѧ, ималъ ѥсмъ своима рукама тѣ же кони дикиѣ. Тура мѧ •в• метала на розѣх(ъ) и с конемъ, ѡлень мѧ ѡдинъ болъ, а •в• лоси, ѡдинъ ногами топталъ, а другыи рогома болъ. Вепрь ми на бедрѣ мечь оттѧлъ, медвѣдь ми оу колѣна подъклада оукусилъ, лютыи звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры, и конь со мною поверже. И Б(ог)ъ неврежена мѧ съблюде. И с конѧ много падах(ъ), голову си розбих(ъ) дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередих(ъ), въ оуности своеи вередих(ъ), не блюда живота своѥго, ни щадѧ головы своея.

3. Система рифмовки в «Слове о полку Игореве».

Метрика «Слова о полку Игореве» (см. выше §1 и Николаев 2014) диктует разную трактовку слабых редуцированных. Во многих случаях метр определяет, является ли данный слабый редуцированный гласный (*ъ, ь*) «звучащим» или «немым» – памятник создавался в эпоху, когда слабые редуцированные полностью еще не пали, и в поэтическом языке могли факультативно произноситься. Судя по метрике, в «Слове» они произносятся внутри «труднопроизносимых» сочетаний согласных, а также – в связи с метрическими условиями – в предлогах, приставках, первых частях сложных имен и в

конце слова, очень редко в заударных срединных слогах. Сохраняется архаичная система со звучащими редуцированными на конце слова перед немым редуцированным в 1-м слоге следующего слова и перед неприкрытыми гласными. Диалектной особенностью языка «Слова» является «всегда звучащий» *–ъ* в именит. пад. *о*-основ. Это окончание коррелирует с севернопсковско-новгородским окончанием *–е*. В винит. п. *о*-основ и в именит.-винит. п. *jo*-основ (таких как *пътичь* < *pъtitjь) и старых *u*-основ (таких как *соколъ*) конечные *-ъ*, *-ь* регулярно проясняются в «Слове» перед слабым (выпавшим) редуцированным в 1-м слоге следующего слова и спорадически – из метрических соображений.

Текст «Слова» богат внутренними рифмами и ассонансами, этот аспект подробно разработан А.Ю. Черновым, он же в ряде своих работ обосновывал произношение в «Слове» слабых редуцированных. Однако до последнего времени ассонансы в «Слове» представлялись неструктурированной и нестратифицированной «свободной звукописью», а прояснение слабых редуцированных определялось произвольно. Наши исследования показали, что в «Слове» представлена строгая система межстрочной рифмовки, основанная на «хендингах» (ср. примеры в §§1 и 2, где рифмовка «хендингами» нерегулярна). Эта система уникальна в сравнении с любыми известными русскими, слявянскими и германскими системами рифмовки. Остается открытым вопрос, была ли эта система рифмовки общепринятой или является изобретением автора «Слова». По признаку регламентации использования хендингов система «Слова» сходна с такими скальдическими размерами, как *дроттквет*т.

На приведимом ниже реконструированном отрывке из «Слова о полку Игореве» («Рассказ о Всеславе») удобно показать «техническую» структуру стиха в «Слове», включающую, помимо «свободной силлабо-тоники» (см. §1), также и обязательные хендинги – односложные внутренние рифмы, имеющие вид C(C)V, реже C(V)V(C)C и V(C)C. Термин скальдической поэзии «хендинг» здесь используется в значении «внутренние рифмы, расстановка которых регламентируется». Помимо хендингов, в «Слове» богато представлены не регламентируемые внутренние рифмы и другие ассонансы («звукопись»), которые свойственны любому языку поэзии.

В «Слове» практически в каждой строке находятся по два хендинга – один рифмуется с хендингом предыдущей строки, другой – с хендингом следующей. Иногда две строки объединяются двумя и даже тремя хендингами. Реже встречается рифмовка через строку и «кольцевая» рифмовка, когда между собой рифмуются 1-я и 4-я, 2-я и 3-я строки. Рифмующиеся между собой хендинги нередко встречаются и внутри одной строки (в этом отношении рифмовка «Слова» напоминает скальдическую). В большинстве случаев хендинги – точные рифмы. Точными рифмами, в частности, являются и рифмы с *ц = ч, сь = ш, зь = ж* (отражение псковско-полоцкого цоканья и шоканья), *ч = щ* (т. е. *шч*); рифмы вида ТЕ–ТИ, если ТИ заударное (отражение нейтрализации фонем /e/ и /i/ в заударных слогах). Окказионально встречаются неточные рифмы, подобранные по сходству звучания (ТО–ДО, ТО–ТУ/ТЫ, ТЫ–ТИ), они характерны для рифмовки редко встречающихся слогов. Широко представлены рифмы вида VC и «обратные рифмы» вида ТО–ОТ. Крайне редки рифмы вида СС (напр., *ск–ск*). Изредка встречающиеся концевые рифмы являются частным случаем хендингов. Данная система рифмовки система проходит по всему тексту «Слове» – ее нет только в «Сне Святослава» и «Плаче Ярославны».

Звучащие «слабые еры» образуют рифмы с гласными полного образования и между собою. В приводимом ниже реконструированном тексте. тексте использована упрощенная орфография. Буквами *ŏ, ĕ* ниже обозначены предположительно звучащие слабые редуцированные, буква *ь* используется только для обозначения мягкости и [j] перед

гласными. Следующие буквы приравнены друг к другу: *е* = *ѣ* = (сильный) *ь* – передаются единой буквой *е*; *о* = (сильный) *ъ* – передаются единой буквой *о*. Следов различения *е*, *ь* (перед мягкими согласными и в конце слова) и *ѣ* в любой позиции в «Слове» не наблюдается, что согласуется с его происхождением из псковско-полоцкого (точнее – южнопсковско-ловатского) ареала.

Бо́льшая часть хендингов в действительности без труда «ловится» и по не реконструированному тексту – Первоизданию, поэтому верификация описанной выше системы рифмовки может быть произведена читателем, не склонным доверять реконструкциям текста «Слова». Не связанными общими рифмами ему покажется только небольшая часть строк, в которых: 1) участвующие в рифмах буквы *ъ* и *ь* опущены копиистами в середине слова в качестве «немых»; 2) есть вторичные (привнесенными копиистами) церковнославянские окончания.

Ниже в тексте прямым шрифтом показан двухстопный размер (хорей + ямб); курсивом – трехстопный размер (дактиль + амфибрахий). Хендинги, «скрепляющие» смежные строки, подчеркнуты.

.... которо́ю бо бе́ше наси́лье
от земли́ поло́вечскыи.

На седьмо́м веце Троя́не
ве́рже Вѣсесла́вѣ жре́бий
о деви́цу себе лю́бу.

То́й клю́ками подпе́р ся о́кони,
и ско́чи ко́ городу Кы́еву,
и до́тче ся стружье́м
зла́та сто́ла кы́евскаго.

Ско́чи от них лю́тым зве́рем
во́ пол ночи из Бела́ города,
обе́си ся ‖ си́не мгле́,
уто́рже в[а́]зни с три́[и] ку́сы[7]
и отвори́ воро́та Но́ву го́роду,
росши́бе сла́ву Яросла́ву,
ско́чи во́лком до Неми́гы сѣ Дуду́ток.

На Неми́зе сно́пы сте́лють голова́ми,
моло́тять це́пы харалу́жными,
на тоце́ живо́т кладу́ть,
ве́ють ду́шу о́т тела.

Неми́зе кровави бре́зи
не́ бологом бя́хутѣ посе́яни –
посе́яни ко́стьми‖ ру́сских сыно́в.

Вѣсесла́вѣ князь людем судя́ше,

---

[7] *Съ три[и] кусы и* содержит род. п. мн. ч. от *kusъ ‘попытка’. Конечное *–ы* < -ъ перед *и*.

кня́зем го́роды ряде́яше,
а са́мŏ во́ ночь во́лком ры́скаше,
из Кы́ева доры́скаше
до ку́р Тмуторока́ня,
вели́кому Хорсо́ви
во́лком пу́ть прерыскаше.

Тому в Поло́тѣске позво́ниша зау́тренюю
ра́но у Святы́и Со́фьи в ко́локолы,
а о́нŏ в Кы́еве зво́но[8] слы́ша.

А́ще и ве́ща душа́ ‖ во́ друзе те́ле,
но́ часто бе́ды страда́ше.
Тому ве́щий Боя́нŏ и пе́рвое
припе́вку сŏмы́слѣный ре́че:

Ни хытру́, ни горазду́,
ни пти́чу горазду́
суда́ божья́ не минути́.

О́, стона́ти ру́сскои земли́,
помяну́вше пе́рвую годи́ну ...

II

ДЛЪГО НОЧЬ МЬРКНЕТЪ

В «Слове о полку Игореве» есть темное место *Длъго ночь мьркнетъ, заря свѣтъ запала*, которое, впрочем, большинству исследователей и переводчиков кажется ясным, его толкуют приблизительно как «долго ночь меркнет [здесь мнения расходятся – как ночь может меркнуть?], заря зажгла свой свет».

Относительно второй части фрагмента можно сказать следующее. Глагол палати в тех славянских языках, где он сохранился, является непереходным – укр. *палати* ‘пылать’, *запалати* ‘запылать, загореться’, *спалати* ‘сгореть’ и т. д.[9] Значения глагола *палати* симметричны значениям другого глагола, образованного от этого же корня с тем же суффиксом – *пылать*. Поэтому заря не могла «запылать» свет. Эта проблема решается просто – здесь *заря* имеет церковнославянское (староболгарское по происхождению) окончание родительного падежа *–я*. В южнославянских языках – старославянском, староболгарском, сербохорватском, словенском – праславянское окончание родительного пад. мягкого склонения «носовой ять» отражается как юс малый (*ѧ*, носовое *е*) с дальнейшим развитием в простое *–е* в сербохоратском и словенском. В восточнославянских (а также в западнославянских) языках рефлекс «носового ятя» совпадает с обычным ятем. Поэтому склонение слова *duša имеет следущий вид: старосл. и староболг. *душа*, род. пад. *душѧ*; сербохорв. и словенск. *duša*, род. пад. *duše* – однако

[8] В «Слове» представлена форма ср. р. *звоно* – ср. еще *То же звонъ слыша давныи великыи Ярославь сынъ Всеволожь*, где –ъ в *звонъ = звоно* отражает эффект ъ=*о* «бытового письма».

[9] Другая фраза из «Слова» – *Спала князю умь похоти* – переводится как «ум князя сгорел в страстном желании», здесь *похоти* – беспредложный местный падеж.

укр. *душа*, род. пад. *душі* (из др.-русского *душѣ*). В истории диалектов, лежащих в основе русского литературного языка, окончание род. пад. *души* заимствовано из твердого склонения (*души* вместо *душѣ* по аналогии с *воды*). Менее вероятна трактовка *заря свѣтъ* как плеонастическое «заря-рассвет», поскольку сходные примеры из восточнославянского фольклора имеют другой порядок слов: русск. *Не свет-зорюшка просветилась* (Рыбников. Песни. 1-е изд. Вып. 2: 125); укр. *Ой уставай, мій миленький, вже на дворі світ-зоря* (Гринченко. Сл. укр. мови. Т. IV: 108) – на эти примеры обратил мое внимание А.А. Гиппиус. Таким образом, наиболее приемлемый перевод фразы *заря свѣтъ запала* – «свет зари загорелся».

Гораздо загадочнее представляется кусок «долго ночь меркнет». Оказывается, вместо двух слов «долго ночь» нужно читать единое «долгоночь». Это слово значит ‘поздняя ночь’. Значение слова *до́лгоночь* (церковнослав. *длъгонощь*) ‘поздняя ночь’ подтверждается записанным в смоленских говорах словом *до́лговечерь* ‘поздний вечер’: *Сидѣў я доўгавечирь адин* [Добровольский 1914: 176]. Слово *долгоночь* (*долгонощь*) засвидетельствовано в «Летописце русском» XV века: «В лѣто 6896. Мѣсяца мая 19 **долгонощи** преставися христолюбивыи князь великы Дмитреи Ивановичь всея Руси» (Насонов А. Н. Летописный свод XV века (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. Вып. 2. М., 1955. С. 306) – спешу выразить глубокую признательность С.Н. Кистереву, который прислал мне ссылку на издание А.Л. Насонова. В сообщении под 6896 г. *долгонощи* читается также в Белорусской I летописи (Я.С. Лурье. Общерусские летописи XIV-XV вв. М., 1976. С. 57, сноска 121 – приношу благодарность К.Ю. Рахно, который указал мне на эту работу)[10]. Форма *долгонощи* в «Летописце русском» и Белорусской I летописи не связывалась с темным местом в «Слове» и считалась «испорченной», хотя смысл ее вполне ясен: *долгонощи* это родительный или беспредложный местный падеж от *долгоночь* (*долгонощь*), он переводится как ‘поздней ночью, под утро’.

Однако остается открытым вопрос – как поздняя ночь может «меркнуть». По смыслу *меркнеть* значит здесь не «темнеет», а, напротив, «постепенно светлеет». Этот перевод дан в «Словаре древнерусского языка XI-XVII вв.» только на основании данного места в «Слове». В памятниках и диалектах русского языка это значение *mьrknǫti не отмечено, однако известно из чешского – *mrknouti* ‘мерцать, мигать, сверкать, блестеть’. Это инхоатив (обозначение постепенного изменения состояния, такой же как сохнуть или тухнуть) от *mьrcati/*mьrkati: русск. *мерца́ть* ‘слабо сверкать, сиять бледным либо дрожащим светом; проблескивать, просвечивать, играть искорками, переливом, перемежком’ [Даль], белор. диал. *мірца́ць* ‘свяціць няроўным блескам’ [СБГПЗ], чешск. *mrkati* ‘мерцать, сверкать прерывисто или меняя силу света’. Привычное значение *меркнуть* ‘темнеть’ соответствует другому значению *mьrkati – ср. русск. арханг. *меркать* ‘смеркаться’ [СРНГ]. Имеющие единое происхождение глаголы *mьrcati/*mьrkati ‘мерцать (прерывисто светить)’ и ‘смеркаться, темнеть’ и образованные от них инхоативы на *–ну-* фактически стали омонимами. Поскольку глагол *mьrknǫti в руссом языке обычно значит «меркнуть, угасать» (ср. в «Слове» *два солнца помъркоста*), не исключено, что автор «Слова», как и во многих других случаях, играет словами и смыслами – «поздняя ночь (*долгоночь*), становясь светлее, угасает, “меркнет” с началом рассвета» или даже

[10] В соответствующем месте Симеоновской летописи содержится вариант *долго вечера ... в час нощи* – по-видимому, копиист ошибочно разъяснил непонятное слово протографа, использовав знакомое ему *долговечеръ*, одновременно переведя *долгонощи* как «в час нощи». Фраза «поздним вечером ... во время ночи» содержит в себе внутреннее противоречие: др.-русск. *вечеръ* в переводах с греческого соответствует ἑσπέρα (время до полного заката солнца), а не νύξ. Ср. также в «Слове» *погасоша вечеру зари*.

«поздняя ночь меркнет, т. е. гаснут (меркнут) ночные светила» (метонимия – предположение А.А. Гиппиуса).

Точный перевод фрагмента *Длъгоночь мьркнетъ, заря свѣтъ запала* – «Поздняя ночь светлеет, запылал свет зари [т. е. запылал рассвет]». Продолжение *Мъгла поля покрыла, щекотъ славіи успе, говоръ галичь убуди [ся]* переводится как «(Утренний) туман покрыл поля, уснуло [т. е. стихло] пение соловьев, проснулся “разговор” галок (или грачей)».